

МОСКВИТЯНИНЪ.

1844.

ЧАСТЬ II.

№ 3.

МАРТЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Г Я У Р Ъ .

Отрывокъ изъ Турецкой повѣсти Л. Байрона.

Не дышешь вѣтръ , не плещешь валь ,
Кругомъ съдыхъ , гранишныхъ скаль . . .
Гдѣ гробъ защитника Аѳинъ
Безмолвно высишся одинъ ,
И шлешъ привѣшъ издалека ,
На встрѣчу судну рыбака
Напрасно цѣль онъ шолько лѣшъ :
Увы ! Героевъ больше нѣшъ .

Прелестный край ! Здѣсь цѣлый годъ
Весна роскошная цвѣшешъ , —
Здѣсь группа свѣшлыхъ оспрововъ
Видна съ далекихъ береговъ —

Кн. III.

Волнуетъ душу, манишь взглядъ
 Приманкой нѣги и оспрадъ.
 Здѣсь Океана свѣшлый взоръ
 Играешь пѣнью многихъ горъ
 И ловишь ихъ своей волной. . . .
 И если въперокъ порой
 Всколеблешь грудь лазурныхъ водъ,
 Иль лиспъ съ кустарника сорвешь,
 Онъ пронесется надъ землей
 Ароматической струей.
 Здѣсь Розу посреди полей
 Поешь влюбленный соловей,
 И, нѣжной радости полна,
 Подъ пѣснь его цвѣшешь она. . .
 Царица гордая садовъ —
 Вдали ошъ въпра и снѣговъ,
 Не зная хлада нашихъ зимъ,
 Красуюся вѣнцемъ своимъ, —
 Спокойно — къ небу шлепъ назадъ
 Ошъ неба взяпый аромашъ,
 И небо, полное любви,
 Съ улыбкой льешь лучи свои. . . .
 И много пышныхъ здѣсь цвѣшовъ,
 И много пѣниспыхъ кустовъ,
 И много грошовъ, гдѣ порой,
 Скрывая барку за скалой,
 Добычи жаждущій своей,
 Пирашъ шайшя ошъ лучей,
 Какъ гощь: онъ шерпѣливо ждешъ,
 Когда звѣзда надъ нимъ взойдешъ,
 И слышны будущъ сдалека
 Ночныя пѣсни моряка:
 Тогда подъ пѣнью береговъ
 Онъ крадется среди валовъ —
 Какъ коршунъ жадный налешитъ
 И пѣсни въ споны преврашптъ.
 И что же? Тамъ, гдѣ вся спрана
 Богамъ въ жилище создана,
 Гдѣ все — и нѣга и краса,
 Гдѣ всѣ природы чудеса

Разлиши щедрою рукой, —
 Тамъ люди съ злобною душой —
 Спремаясь радосшь омрачиль,
 И рай въ пустыню обратишь.
 Подъ звѣрской спутью ихъ шаговъ
 Тамъ вянущъ тысячи цвѣшовъ,
 Разцвѣвшихъ пышно средь полей —
 Не насажденныхъ ихъ рукой,
 Взлелѣянныхъ ночной росой,
 Да свѣсомъ солнечныхъ лучей:
 Цвѣшокъ распешъ, манишь, зовешъ, —
 Они придушъ и онъ умрешъ.
 И чпожь? Въ природѣ вѣчный миръ —
 А шущъ спрасшей свирѣпый пиръ, —
 И шущъ же похосъ, злосшь и спонъ
 Воздвигли свой ужасный пронъ
 И помрачили свѣшлый край. . .
 Какъ духи злобы, впоргшись въ рай,
 Низвергли Ангеловъ съ небесъ —
 И свѣшь померкъ и день исчезъ —
 Такъ свѣшель край, шакъ полнъ опрадь,
 Такъ въ людяхъ зло, и смерть, и адъ!

Кшо видѣлъ образъ мершвеца
 Въ печальный день его конца,
 Въ послѣднйй день поски земной,
 И въ первый жизни гробовой, —
 Пока исплѣнїя перспшы
 Еще не сперли красопы. . .
 Печашъ покоя на успахъ, —
 Чершы недвижны на щечахъ,
 Но полвы нѣгой и красой. . .
 И . . . вдругъ — недвижимосшь очей, —
 Безъ жизни, блеска, безъ лучей,
 Безъ думъ, безъ слезъ, и безъ спрасшей,
 И вдругъ ужасный видъ бровей. . .
 И зришель самъ, едва живой,
 Обьяшый спрахомъ и поской,
 Какъ будшо смерпъ сроднилась съ нимъ,
 Споишь и нѣмъ и недвижимъ.
 Еще минушу, часъ онъ ждешъ, —

Бышь можешъ сонъ . . . а сонъ пройдешь,
 Такая нѣга на устахъ . . .
 Увы — напрасно . . . смерть въ очахъ.
 Вошь видъ Эллады — но не пошй
 Эллады вольной и живой!
 Она прекрасна, но блѣдна, —
 Она свѣшла — но холодна, —
 И шяжко намъ , и грудь шѣснишь , —
 И холодъ сердце леденишь . . .
 Она и въ гробъ шакъ мила,
 Красы и смерть не опняла,
 Но спрашенъ видъ ея лица,
 Румянецъ шяжкого конца, —
 Последнй блескъ прошедшихъ дней,
 Отсвѣшь угаснувшихъ лучей,
 Бездушный ошовъ прежнихъ лѣшь . . .
 Все пошь же блескъ, все пошь же свѣшь ,
 Но нѣшь шепла , — но жизни нѣшь.

Спрана безсмертная побѣдь —
 Земля , гдѣ Слава древнихъ лѣшь
 Погребена . . . гдѣ ошь равнинъ,
 До горныхъ грошовъ, до вершинъ
 Свобода нѣкогда жила, —
 Гдѣ мысль могучая цвѣла,
 Эллада, пыль? — О небеса!
 Ужель здѣсь вся швоя краса?
 Приблнжся , рабъ , лишенный силъ,
 Не скалы ль эшо Термошилъ?
 Взгляни на волны предъ шобой
 Играющія со скалой,
 Ты , выродокъ полубоговъ,
 Скажи мнѣ имя сихъ береговъ,
 И моря? — Эшо Саламинъ!
 Возстанъ ! богашство сихъ равнинъ,
 Красу цвѣшущую полей,
 Обрывы скалъ, валы морей, —
 Пора опняшь ихъ у враговъ!
 Пора ошь древнихъ сихъ гробовъ ,

Возжечь — опеческимъ огнемъ ,
 Свѣшильникъ сердца — а пошомъ ,
 И рабъ, влачащійся въ цѣпяхъ,
 Почуешъ мощь въ своихъ рукахъ ,
 И въ препенъ приведешъ враговъ —
 И въ сердцѣ спраждушихъ сыновъ ,
 Проснешся слава, и скорѣй!
 Они погибнушъ опъ мечей —
 Чѣмъ опъ оковъ!.. За вольноспь бой ,
 Начавшись разъ въ спранѣ родной ,
 Опъ дѣдовъ къ внукамъ перейдешъ , —
 Порой замолкнешъ — не умрешъ , —
 И славно кончипся. . Вѣковъ
 Минувшихъ слава — изъ гробовъ ,
 Къ шебѣ зовешъ, зовешъ... Пускай
 Для славы мершвый Нильскій край
 Гордипся высью пирамидъ:
 Твоихъ героевъ гробъ сокрышъ
 Опъ взоровъ : рокъ давно сразилъ
 Надгробный мраморъ съ ихъ могиль ;
 Но память ихъ нашъ видипъ взоръ
 Въ вершинахъ гордыхъ здѣшнихъ горъ ,
 Между цѣшми сихъ равнинъ ,
 Въ волнахъ шумящихъ свѣшлыхъ водъ ,
 Гдѣ геній Греціи одинъ
 Досель невидимо живешъ ,
 Надъ гробомъ шѣхъ, кпо не умрешъ.
 Эллада ! прудно описашъ
 Твой пушъ опъ славы до цѣпей —
 Одно , что можемъ мы сказапъ :
 Не опъ чужихъ, а опъ дѣшей
 Погибла ты : швоихъ оковъ
 Виною не мощь швоихъ враговъ ,
 А рабскій духъ родныхъ сыновъ.

Что скажешъ пошъ, кпо берегъ швой
 Сквернишъ пресшупною ногой ?
 Преданье ли минувшихъ дней ,
 Разказъ ли славныхъ шѣхъ вѣковъ ,

Когда среди швоихъ полей
 Живали люди безъ оковъ,
 Достойные земли своей. —
 И чшожь? шеперь попомки ихъ,
 Презрѣвши кровь опщевъ своихъ,
 Забывши долгъ спранъ родной,
 Вздоившей ихъ своей спруей,
 Ошъ колыбелей до гробовъ
 Ползущъ подъ бременемъ оковъ,
 Рабы, — нѣшь, — узники рабовъ!
 Одни пороки въ ихъ сердцахъ,
 Да лешъ презрѣнная въ устахъ —
 И все, чѣмъ спраждешь родъ людей,
 Чшо ихъ низводишь въ рядъ звѣрей...
 Въ нихъ нѣшь лишь смѣлоспи одной
 Да груди вольной и живой, —
 Одинъ обманъ въ душѣ у нихъ —
 И шо прошивъ своихъ родныхъ —
 Вопъ Греки, вопъ въ чемъ въ наши дни
 Влачашъ всю жизнь свою они!
 Напраснобъ спали призывашъ,
 Ихъ узы рабшва разорвашъ
 Иль сбросишь иго ихъ враговъ...
 Сроднившись съ бременемъ оковъ —
 Они не чувспвуютъ скорбей...
 Довольно!... На душъ моей
 Разсказъ печальный, — можешъ бышь,
 Кшо въ силахъ чувспвовашъ и жишь,
 Со мною будешъ слезы лишь.

✽

Вдали надъ синевой валовъ,
 Въ шѣни ушесисныхъ береговъ,
 Какъ будшо темной ночи ждешъ
 Островишянинъ иль Майношъ; —
 Рыбакъ, спрашасъ поры ночной,
 Скорѣй бѣжишь съ своей ладьей,
 Ошъ ближней бухшы среди скалъ, —
 Хошь сильно ловлей упомленъ,
 Хошь цѣдый день шрудился онъ,

Но все еще сквозь синій валъ ,
 Сквозь проблескъ гаснущихъ лучей ,
 Съ боязнью въ сердцѣ, молчаливъ —
 Плынешь онъ къ хижинѣ своей ,
 Къ роднымъ брегамъ, въ родной заливъ ,
 И достигаешь въ пишинѣ —
 Ужь ночью, поздно, при лунѣ.

Но кшожь на ворономъ конѣ ,
 Какъ бурный въшерь по волнамъ,
 Лешипъ по рощамъ и полямъ ?
 Тяжелый спукъ и звукъ подковъ
 Разносишь эхо средь лѣсовъ —
 Съ холма на холмъ, изъ гроша въ грошъ :
 Съ коня — спруею пѣна бьешъ ,
 И въ брызгахъ сыплешся кругомъ:
 Чуть дышешъ конь подъ сѣдокомъ ,
 Но самъ сѣдокъ не ушомленъ ,
 И бодръ и свѣжь, — и воленъ онъ. . . .
 Бушуетъ буря средь полей,
 Но то, что шамъ — въ груди швоей —
 Спрашнѣй всѣхъ бурь, Гауръ молодой !
 Мы незнакомы , — насъ съ шбой
 Съ пеленокъ дѣлишь навсегда
 Ощевъ завѣшная вражда:
 Но вижу я — въ швоихъ чершахъ
 Есть что-шо, что внушаешъ шпрахъ ,
 И ненависть, — что не пройдеши, —
 Чего и время не сопреши . . .
 Ты младъ еще, но вдоль чела
 Былая жизнь ужъ провела
 Свои глубокія бразды, —
 Ты взоръ склонилъ къ сырой землѣ,
 Но очи, будшо двѣ звѣзды ,
 Сверкаюшъ пламенемъ во мглѣ,
 Сквозь вихрь и шучи; — шы одинъ
 Изъ шѣхъ, кого Османа сынъ
 Обязанъ — или ишребляшъ
 Иль вѣкъ ошъ шпраха шрепешашъ.

Онъ скачешъ, мчишься предо мной :
 Опъ удивленья самъ не свой,
 Смопрю: какъ спрашный духъ ночей,
 То вдругъ исчезнешъ опъ очей,
 То явился.... Какъ будпо сонъ,
 Приводишь мнѣ на память онъ
 Неясно что-шо.... спукъ копыщъ,
 Какъ громъ, въ ухахъ моихъ звучишь!...
 Конь гнешся, крушишься, — дрожишь
 Остановился, вновь бѣжишь,
 Взивая пылъ передъ собой,
 И вопъ сокрылся за скалой!
 И вопъ блеснулъ внезапный лучъ,
 Въ глухой ночи, во мракъ шучъ,
 Какъ будпо свѣплюю звѣздой
 Вдругъ озарень побѣгъ ночной;
 И обернулся наконецъ
 Младый безвременный бѣглець :
 На мигъ остановилъ коня,
 На мигъ взглянулъ на блескъ огня,
 На мигъ поводья опушилъ,
 На мигъ — какъ будпо загрузшилъ, —
 На шѣни масличныхъ лѣсовъ
 Гладишь.... На высотѣ холмовъ
 Межъ шѣмъ все ярче блескъ огней
 Опъ лампъ мечеши. Все звучнѣй
 Вдали несется муллы крикъ,
 Чу — слышенъ рокопъ шофаикъ,
 И ярко свѣшишь сквозь шуманъ
 Огонь усердя мусульманъ.
 Въ ночи оконченъ Рамазанъ,
 Въ ночи вспрѣчаемъ мы Байрамъ
 Въ ночи.... Но кто же шы такой,
 Пришлецъ ужасный и чужой?
 Зачѣмъ шы въ эпошъ позднѣй часъ
 Бѣжишь и кроешься опъ насъ ?

Онъ спалъ на мигъ, какъ будпо спрахъ
 Явился у него въ черпахъ,
 Но ненависшь свое взяла:
 Не кровь къ ланишамъ прилила,
 Минушной злобы вѣрный знакъ,
 Но будпо мраморъ на гробахъ,
 Который бѣлизной своей
 Ихъ дѣлаешъ еще мрачнѣй,
 Такъ блѣдень, иль еще блѣднѣй...
 Густыя брови опушилъ,
 И взоръ свинцовый успремилъ
 Въ нѣмую даль... Пошомъ привсшалъ,
 Рукой схватился за кинжалъ,
 И выпустилъ, — какъ бы незналъ,
 Чшо долженъ онъ шеперь начашъ:
 Назадъ ли мчашься иль бѣжашъ.
 Но вошъ решивый конь заржалъ,
 Погнулся, саблей зазвучалъ,
 И вдругъ съ безсонною дремой
 Проснулся всадникъ молодой:
 Такъ шочно рѣзкій скрипъ дверей
 Пугаешъ дремлющихъ людей.
 И шпора оспрая звѣнишь
 Впередъ, впередъ! и онъ лешишь:
 Скала взади... ужъ не звучишь,
 Кремнишный берегъ опъ подковъ,
 Вошъ онъ на вышпѣ холмовъ,
 Вошъ онъ въѣзжаешъ въ шемный лѣсъ,
 Вошъ онъ ... но мигъ, — и онъ изчезъ...
 Былъ мигъ, когда онъ размышлялъ,
 Коня задумчиво держалъ,
 Былъ мигъ, когда онъ шамъ споляъ,
 И полешълъ пушемъ своимъ,
 Какъ будпо смерть гналась за нимъ.
 И въ эшопъ мигъ, казалось миѣ,
 Горѣлъ во мрачной глубинѣ
 Его души огонь спраспей,
 Заженный жизнью прошлыхъ дней;
 И много въ немъ сошлось годовъ
 Прешупной жизни и шрудовъ.

Кто ненавидѣлъ иль любилъ ,
 Кого превожный спрахъ помилъ ,
 Тотъ испышалъ самъ надъ собой ,
 Чшо значилъ мигъ сей роковой .
 Чшо думалъ онъ , чего желалъ ,
 Чего спрашился , чѣмъ спрадалъ ,
 Когда всѣ муки прежнихъ дней ,
 Всѣ ужасы былыхъ спрасней
 Предспали предъ его душой !
 Сей мигъ борьбы съ самимъ собой
 Не дологъ на часахъ времянь ,
 Но въ мысли — безпредѣлень онъ :
 Въ немъ дни и годы безъ числа ,
 Чшо шолько совѣспъ обняла ,
 Чшо мысль вмѣспилъ въ себѣ могла ,
 Гдѣ нѣтъ — ни свѣща , ни конца ,
 Ни упованья на Творца !

Но часъ прошелъ; Гяуръ пропалъ ,
 Погибъ онъ или убѣжалъ ?.....
 Но гдѣ онъ былъ , памъ вѣчный слѣдъ
 Опусшошенія и бѣдъ .
 За грѣхъ Гассана низошло
 Прокляшье на его чело ,
 И гробомъ спалъ его дворець .
 Онъ появился , онъ исчезъ ,
 Какъ смершоносный въспрѣ спешей ,
 Предшеча смерти и скорбей ,
 Который все мершвилъ собой ,
 Предъ коимъ мрешъ самъ гробовой
 Унылый спорожъ , кипарисъ ,
 Жилецъ кладбища и гробницъ :
 Тоска другихъ — давно пройдешь ,
 А онъ все шѣже слезы льешъ .

Не видно въ спойлахъ бѣгуновъ
 Умолкла въ замкѣ рѣчь рабовъ ,
 Паукъ спокойно вѣсилъ памъ

Сѣдя цѣкани по спѣнамъ ,
 Ковры гарема мышь грызешъ ,
 На башнѣ — шамъ сова живешъ ,
 Да у бассейна песь дворной
 Уныло воешъ , жаждой злой
 И спрашнымъ голодомъ помимъ.
 Фоншанъ изсякъ уже давно ,
 Засохло мраморное дно
 Съ шѣхъ поръ , какъ прожужжалъ надъ нимъ
 Духъ пустошы крыломъ своимъ....
 А какъ бывало онъ игралъ ,
 Какъ зной полудня разгонялъ ,
 Какъ серебришою росой
 Лешалъ надъ мягкой муравой ,
 И какъ прохладу лилъ кругомъ ,
 И какъ игралъ съ дневнымъ лучемъ ,
 Какъ звѣзды красовались въ немъ
 Въ прозрачномъ сумракѣ ночей , —
 Какъ влажный блескъ его лучей
 Очаровашельно сверкалъ ,
 Какъ онъ плѣнишельно журчалъ.
 Когда-шо здѣсь Гассанъ игралъ —
 Еще дитя: онъ засыпалъ ,
 Лелѣемъ звучною спруей ,
 У груди машери родной....
 Не рѣдко юныя мечшы ,
 Подъ пѣснь любимой красопы
 Вились здѣсь нѣкогда надъ нимъ :
 И нѣгой счастья помимъ ,
 Онъ чувшвовалъ , какъ звукъ спруны ,
 Сливадся съ говоромъ волны ...
 Теперь онъ больше не придепъ
 Къ прохладѣ сихъ любимыхъ водъ , —
 Изсохъ фоншанъ — не брызнешъ вновь , —
 Погибъ Гассанъ , изсякла кровь !
 Не зазвучишь здѣсь рѣчь людей ,
 Ни ропошъ усшъ , ни вздохъ грудей ,
 Ни крикъ веселья , ни спрашей ...
 Съ шѣхъ поръ какъ нѣкая жена
 Ужасно здѣсь погребена.....

Все тихо — въ замкѣ, все молчишь ,
 Но въперъ спавнями спучишь ,
 Спруями ливень въ окна льешь —
 Ничья рука ихъ не запрешь !...
 Въ пескахъ безжизненныхъ степей
 Звучашь спрашнѣй шаги людей ,
 Такъ здѣсь шоски унылый крикъ
 Пробудишь эхо — хощь на мигъ —
 И глухо прозвучишь оно —
 „Еще не все испреблено ,
 И здѣсь естъ жизнь.“ -- И почно , шамъ
 Блиспаешь злапо по снѣнамъ ,
 Кошорыхъ шлѣнїя рука
 Коснулась шолько лишь слегка ;
 Но мракъ подъ сводомъ здѣшнихъ заль
 Свое жилище основаль —
 Здѣсь спранникъ крова не найдешь ,
 Дервишь успалый не заснешь
 Пушемъ далекимъ упомлень...
 Не придешь гощь съ чужихъ споронъ —
 Подъ сей враждебный нынѣ кровъ ;
 Для богачей и бѣдняковъ —
 Зыкрыша дверь съ шѣхъ самыхъ поръ ,
 Когда Гассанъ средъ ближнихъ горъ
 Погибъ въ борьбѣ... Всему конецъ ,
 Оспавилъ гощь его дворець ,
 Бѣжалъ вассаль съ его полей ,
 И пушо все — и нѣшъ людей !

Я слышу шумъ людскихъ шаговъ ,
 Но нѣшъ ни оклика, ни словъ —
 Все ближе — почно, всѣ въ чалмахъ ,
 И съ яшаганами въ рукахъ ;
 Впередъ — Эмиръ... зеленый цвѣшъ
 Одеждъ мнѣ эшо показаль...
 „Кшо ты, — приближась онъ сказалъ ,
 „Селямъ мой — я ему въ опшѣшъ —
 Покажешь вамъ — семьи моей
 Происхождение опшъ дѣшей

Османа . . . « Ношею своей
 Казалось, онъ такъ дорожилъ . . .
 То — кладъ неоцѣненный былъ , —
 Который мчашь должна моя —
 Черезъ волны ушлая ладья . . .

Итакъ мы мчимся средь валовъ
 Отъ молчаливыхъ береговъ , —
 „Спусти свой парусъ, онъ сказалъ,
 „Греби шуда, гдѣ подлѣ скаль
 Спокойно спишь сердишый валъ ,
 Гдѣ неподвижна и мрачна
 Пучины грозной глубина . . .
 Довольно . . . можно ошдохнуть . . .
 Прекрасно . . . нашъ оконченъ путь“ . . .
 Но думалъ я, что путь длиннѣй,
 Чѣмъ путь

И что-то пало въ глубину —
 И медленно пошло ко дну —
 И въ барку брызнула вода . . .
 И мнилось, видѣлъ я тогда
 Движенье быспрое въ спруяхъ,
 И блескъ какой-шо на валахъ ;
 Но это былъ мгновенный лучъ ,
 Скользяшій въ воды изъ-за шучь —
 И я смопрѣлъ, казалось мнѣ,
 Сафиры искрились въ волнѣ —
 Но вдругъ мгновенный лучъ погасъ,
 Смѣясь надъ ослѣпленьемъ глазъ . . .
 Все смолкло. Знаешъ лишъ одинъ
 Ту пайну геній сихъ пучинъ , —
 Но скрывшись въ свой жемчужный гропъ ,
 Ее онъ вѣчно сбережешъ.

Игравъ пурпурнымъ крыломъ
 Съ блестящимъ солнечнымъ лучемъ,
 Съ цвѣтка порхая на цвѣшокъ,
 Порой смопрясь въ живой пошокъ,
 Краса воспока — мошылекъ —
 Ребенка за собой манишь,
 Напрасной ловлею поминъ,
 И вдругъ исчезнешъ въ небесахъ
 И онъ осмался, весь въ слезахъ.
 Такъ почно гордой красошой
 Обманушь плѣнникъ молодой, —
 На ловль спреха и надеждъ
 Онъ не смыкаль горящихъ вѣждъ,
 Но, щещнымъ бѣгомъ упомленъ,
 Слезами кончипъ ловлю онъ....
 Но пойманы... Увы! тогда
 Обоимъ равная бѣда.
 Вѣкъ безпокойства и скорбей,
 Тому онъ шалоспи дѣшей,
 Другой онъ прихоши мужей —
 Проспи былая красота,
 Она исчезла навсегда, —
 Тускнѣешь подъ чужой рукой
 Румянецъ жизни молодой, —
 И ванешъ юноспи цвѣшокъ,
 Презрѣнъ, осшавленъ, одинокъ.
 Безъ крыльевъ пущенъ мошылекъ,
 На вольный вѣшеръ... грудь въ крови
 У жершвы прихошей любви....
 Чшожь дѣлашь имъ, и чшо начашъ?
 И въ силахъ ли перелешашъ
 Безъ крыль, измученный, одинъ
 Опъ пышной розы на жасминъ?
 И можешъ ли найши покой
 Душа дѣвицы молодой —
 Одна, далеко опъ людей,
 И въ золошой шюрмъ своей?
 Нѣшъ, мошылку ужъ не лешашъ,
 Нѣшъ, новыхъ крыльевъ не досшашъ,
 На мѣсно шѣхъ, кошорыхъ нѣшъ:

Нѣшъ, къ юной дѣвѣ — цѣлый свѣшъ
 Окаменѣлъ въ душѣ своей —
 Ко всѣмъ естъ жалость, но не къ ней, —
 На все естъ состраданья взоръ . . .
 Его лишень — сестры позоръ.

.

И что въ сердечной глубинѣ —
 У ней? Такъ-точно, какъ въ огнѣ
 Плающемъ со всѣхъ споронъ,
 Кружисья плѣнный скорпионъ, —
 Смертельной мукою помимъ,
 То оспается недвижимъ,
 То снова мечется кругомъ —
 И вопшъ въ опчаяньи нѣмомъ,
 Находишъ онъ послѣдній пушъ —
 Избышъ перзаній и свое
 Губительное осприе
 Вонзаетъ въ собшвенную грудь.
 Такъ въ безнадежности нѣмой
 Душа дѣвицы молодой
 Сспраданій мгла и адъ спрасшей,
 Смѣшный и спранный для людей,
 Чужой свѣпящимъ небесамъ —
 Здѣсь мракъ, — опчаянїе шамъ,
 Огонь кругомъ и впереди
 И смершъ въ исшерзанной груди.

Гассанъ гаремъ оспавиль свой:
 Его невольницы молодой
 Не привлекаешъ нѣжный взоръ,
 Скипаяся въ ущельяхъ горъ,
 Онъ позабылъ быдую лѣнь,
 Онъ на охошъ ночь и день, —
 Онъ ненавидишъ цѣлый свѣщъ,
 Съ шѣхъ поръ, какъ Лейлы больные нѣшъ
 Въ его дворцѣ. Но что же съ ней?
 Она сокрылась ошъ очей —

Куда и какъ — кому же знашь?
 Одинъ Гассанъ шо могъ сказашь.
 Она исчезла, говоряшь,
 Когда смѣнила ночи шѣнь
 Последній Рамазана день, —
 И блескъ шоржеспивенныхъ огней
 На минаретахъ засверкаль
 И мулла крикомъ созываль,
 Къ молебъ Османовыхъ дѣшей
 На Байрамъ . . . Говоряшь, она
 Въ купальню вышедши одна,
 Бѣжала съ Гяуромъ младымъ,
 Далеко къ берегамъ чужимъ,
 Внѣ грозной власши Мусульманъ . . .
 И прежде будшо бы Гассанъ.
 Замѣшилъ. Но она была
 Такъ добродушна, шакъ мила . . .
 И шакъ заботлива объ немъ,
 Чшо онъ вѣрjался ей во всемъ —
 Припомъ наспаль на эпошъ разъ,
 Заповѣдной молишвы часъ . . .
 Таковъ былъ Евнуха разсказъ.
 Ешъ слухъ другой, чшо шой порой,
 Подъ кровомъ шемношы ночной,
 При блѣдномъ Фингари огнѣ
 Гяуръ промчался на конѣ,
 И видны были средъ песковъ
 Слѣды опъ крови и подковъ,
 Но онъ одинъ шогда скакаль,
 Никшо — *дъвицы* не видалъ.

Кшо красому ея очей —
 Опишешъ? . Чшо сравнишь съ ней?
 Газели очи не чернѣй, —
 И не прекраснѣе . . . порой
 Они шемнѣ мглы ночной,
 Порою помны, какъ печаль,
 Порою искры сыплюшъ въ даль —
 И искры свѣпяшся свѣплѣй
 Волшебныхъ Дземшида камней
 И искра жизни шакъ полна,

Живой душей оживлена.
 Я знаю — говоришь пророкъ,
 »Жена ешь дышущій кусокъ
 Бездушной глины.« — Но Творецъ! .
 Хошябъ послѣдній мой конецъ
 Наспалъ, хошябъ передо мной
 Былъ свѣшлый рай съ своей красой —
 Хошябъ меня хоръ Гурій звалъ,
 И я на Сиранъ споялъ —
 Тогда бы поже я сказалъ!
 И кшобъ на блескъ ея очей
 Смошря, опъ сердца вѣришь могъ,
 Тому, что говоришь пророкъ,
 Чшо нѣшъ живой души у ней, —
 И что бездушная жена —
 Тиранской похоши мужей
 Безмолвной жертвой быть должна?
 Навѣрнобъ Муфшій самъ сказалъ,
 Чшо лучъ безсмертія сіялъ
 Въ ея привѣшливыхъ очахъ
 Румянецъ на ея щекахъ,
 Какъ цвѣшъ Армидиныхъ садовъ,
 Былъ вѣчно свѣжъ, и вѣчно новъ
 А видъ ея гусшыхъ бровей,
 А кольца шелковыхъ кудрей?
 И мраморъ спорить бѣлизной
 Никакъ не могъ съ ея ногой, —
 Она была бѣлѣй снѣговъ,
 Еще не спадшихъ съ облаковъ,
 Не цѣловавшихся съ землей
 Какъ спройный лебедь надъ водой,
 Поднявши гордо гребень свой,
 Надменно, медленно плывешъ, —
 Порой крылами въ волны бѣешъ,
 Почуя шагъ чужихъ людей
 По берегамъ рѣки своей —
 Походка тажъ была у ней
 И тажъ краса — и шопъ же спрой,
 И съ шой же шея бѣлизной.
 И нѣжный взоръ со всѣхъ споронъ

Бываль на Лейлу успрямленъ:
 И какъ она была спройна,
 И какъ супругу предана —
 Супругу — Гассанъ! чпо съ побой
 Увы — у ней супругъ другой!

Гассанъ гошовишя въ походъ —
 Двѣнадцать слугъ за нимъ идешь,
 Въ походныхъ плащяхъ и плащахъ,
 И съ япаганами въ рукахъ.
 Самъ вождь идешь передъ толпой,
 Сверкая саблей роковой,
 На спали коей ужь давно
 Чернѣешь темное пятно,
 Опъ крови жишелей сихъ горъ:
 Оно виднѣеся съ шѣхъ поръ,
 Когда немногіе изъ нихъ,
 Пришли подъ кровъ пещеръ своихъ,
 О пораженъи разскашъ:
 И съ нимъ — шопъ писполешъ опашъ,
 Который прежде онъ носилъ,
 Который яхонтами былъ
 Осыпанъ, — золошомъ блиспалъ,
 Но предъ которымъ шрепешалъ
 Разбойникъ, бичъ всей спороны...
 Онъ, говоряшъ, пошелъ — жены
 Искашъ другой, на мѣспо шой,
 Невѣрной Лейлы молодой,
 Дерзнувшею мужа оскорбиль,
 Измѣной ложе осквернишь,
 И съ Глауромъ.....

Въ долинь палъ шуманъ ночной...
 Еще послѣдній лучъ дневной
 Играешъ съ вольною спруей
 Прозрачныхъ водопада водъ...
 Здѣсь Грекъ купецъ пріюшъ найдешъ,

Который щещино ищеть онъ ,
 Врагами всюду окружень ,
 Среди многолюдныхъ городовъ ,
 Спращася и шороха шаговъ .
 Невидимый для чуждыхъ глазъ ,
 Здѣсь можешь онъ заснушь на часъ ,
 Онъ не боится ничего
 За цѣлосшь злапа своего ,
 И чарку свѣтлаго вина ,
 Здѣсь можешь выпить онъ до дна .

✱

Впередъ Ташаринъ.... Прочій спрой
 Кремнистой пьянется пропой ,
 Безмолвно среди ущелій горъ....
 Вверху препенущій вашъ взоръ
 Вершинъ замѣшишь осприе ,
 Гдѣ коршунъ свиль гнѣздо свое ,
 И почишь клювъ свой о скалу
 И смотришь въ даль , въ ночную мглу ,
 И пира ждешь передъ зарей....
 Внизу — попока шумъ глухой , —
 Его такъ съюзилъ лѣшній зной....
 И русло все изсушено ,
 И видно каменное дно :
 Кустарникъ кой гдѣ со споронъ
 Расщепъ , на гибель обрѣченъ....
 Тамъ надъ пропинкою висить
 По споронамъ сѣдой гранишь ,
 А памъ — громадный верхъ скалы
 Одѣшь одеждой вѣчной мглы :
 Сначала міра, до сихъ поръ
 Еще ничей не видѣлъ взоръ
 И не увидишь до конца
 Ея сшѣдливаго лица .

Они вошли въ сосновый лѣсъ :
 Бисмиллахъ! шрудноспямъ конецъ ,
 Начнется скоро гладъ полей

И шамъ припоримъ мы коней
 На волѣ... Только онъ сказалъ,
 Пады головою засвиспаль
 Свинецъ — Тапаринъ вдругъ упаль,
 И коченбющей рукой
 Онъ роепся въ землѣ сырой...
 И шрое всадниковъ младыхъ,
 Оспановивъ коней своихъ,
 Спѣшашъ на землю соскочипъ
 За шѣмъ, чшобъ вновь не восходипъ!
 Незримый врагъ ихъ поразилъ,
 Вошце одинъ изъ нихъ молилъ
 О мщеніи своихъ друзей:
 Одни, скриваясь за коней,
 Чупъ смбюпъ сабли обнажипъ,
 Или куроць ружья спустипъ;
 Другіе, кроаясь въ шѣнь деревъ,
 Ждушъ нападенія враговъ,
 Но врагъ невидимъ изъ за скаль
 Ихъ мѣшккой пулей поражаль...
 Тассанъ опважный средъ огня
 Стоипъ, оспановивъ коня,
 Смотри презришельно кругомъ:
 Но вошъ раздался за холмомъ,
 Звукъ рога — онъ зовешъ враговъ
 Къ наградѣ — послѣ ихъ шрудовъ...
 Тогда со всклоченной брадой,
 Качая гордой головой,
 И сыпля шысячу огней
 Изъ ярко-блещущихъ очей,
 „Хопъ всюду пули — онъ сказалъ —
 Но мечъ мой пупъ миѣ пролагаль
 И не въ шакихъ еще бѣдахъ!
 Вошъ врагъ явился на холмахъ:
 „Сдавайшесь!“ Ярый блескъ очей
 Вожда — и звуки грозныхъ словъ
 Вассаламъ преданнымъ спрашпѣй,
 Чѣмъ мечъ и карабинъ враговъ...
 Никшо меча не положиль,

Никто пощады не просилъ
 Но врагъ все ближе.... Вошъ одинъ.
 Какъ будто шайки власшелинъ....
 И пламень адскій запылалъ
 Въ груди Гассана: онъ дрожалъ,
 Онъ спрашно саблей засверкалъ.
 — Вошъ онъ! — да! я его узналъ,
 Узналъ по густотѣ бровей,
 Узналъ по мрачности очей,
 Узналъ по черной бородѣ!
 Его скрываетъ плащъ горъ,
 Но пронцашельный мой взоръ
 Найдеть предашеля вездѣ:
 На смерть борьба.... пущъ льешся кровь,
 За жизнь — за Лейлу — за любовь!

Какъ быспрый ярыхъ водъ пошокъ,
 Взрывая камни и песокъ
 Течешъ въ глубокой океанъ,
 И, встрѣпившись съ его волной,
 Сполбомъ подъемлешъ надъ собой
 Прозрачный голубой шуманъ,
 И струи зыблешъ и кружишъ,
 И пѣна къ облакамъ лепишъ,
 А море, морщась опъ въпровъ,
 Подъемлешъ шысячи валовъ,
 Ихъ искры — ихъ громовый ревъ,
 И молній блескъ изъ глубины
 Лепящій вдаль на крупизны
 Ушесовъ грозныхъ и сѣдыхъ,
 Приводишъ въ страшный шрепешъ ихъ...
 Какъ буренъ бой волны съ волной,
 Какъ грозенъ ихъ свирѣпый вой,
 Такъ почно двѣ шолпы враговъ,
 Которыхъ ненависть опщевъ,
 За вѣру страшная борьба, —
 Обида, яросшь и судьба
 Разъединили межъ собой,
 Встрѣчаютъ на смерпный бой. —

Нѣмые вопли ихъ грудей,
 Удары страшные мечей
 Разносишь эхо по горамъ,
 По доламъ, грошамъ и полямъ,
 И на сѣдыя крушизны
 Несешь всѣхъ смерти и войны
 Немного ихъ но не спрашишь
 Ихъ близкой смерти грозный видъ —
 Ничко собой не дорожишь,
 Не просишь жизни, не щадишь
 Забывъ весь мѣръ, съ огнемъ въ крови,
 Средь сладоспращныхъ ласкъ любви,
 Обнявшись съ милой красою,
 Любовникъ шаешь молодой
 Но жаръ любви, но нѣги зной, —
 Слабѣй, чѣмъ ненависть враговъ,
 Когда они въ предсмертный часъ,
 Обнявшись въ послѣдній разъ,
 Глошающъ жадно пыль песковъ ...
 Друзей пріязнь такъ холодна,
 Любовь сильна, но невѣрна, —
 Но двухъ враговъ свирѣпый бой,
 Прервется смертію одной.

✽

Вошь мечъ по рукояшъ въ куски,
 И съ рукояши и съ руки
 Спруишся вражеская кровь...
 На мигъ покой — вошь, бьются вновь, —
 И надъ предашельской главою
 Кинжалъ сверкаетъ роковой
 Его чалма у ногъ лежишь,
 Въ доскушьяхъ плащъ его висишь, —
 Такъ шучки упренной порой,
 Кой гдѣ разбрасывая пѣнь,
 Даюшь узнать, что ясный день
 Ужасной кончится грозой:
 Дымишся грудь ошь многихъ ранъ,

Слабѣють силы — палъ Гассанъ —
 Онъ навзничъ палъ, лицемъ шуда,
 Гдѣ блещетъ свѣтлая звѣзда
 Его судьбы . . . Онъ не смежилъ
 Очей своихъ . . . въ нихъ виденъ былъ
 Осташокъ злобы роковой,
 Не сжашый смертною косою.
 И врагъ его, склонясь надъ нимъ,
 Споишь въ раздумьи, недвижимъ:
 Онъ живъ, но цвѣтъ его лица
 Блѣднѣе, чѣмъ у мершвеца

„Да — Лейла спишь среди песковъ,
 Подъ кровомъ влаги и валовъ, —
 А пы, Гассанъ? Твой гробъ мрачнѣй,
 Чѣмъ гробъ ея узнай, злодѣй,
 Узнай шеперь, что духъ ее
 Точилъ кинжала оспріе,
 Кошорый грудь твою пронзилъ.
 Вошце пророка пы молилъ,
 И звалъ его въ послѣдній часъ, —
 Тебя опъ месни онъ не спасъ:
 Вошце пы Аллу призывалъ,
 Твоей молишвы не слыхалъ
 Творецъ . . . И пы мечпалъ, злодѣй,
 Что рѣчь преступныхъ успѣ твоихъ
 Доступнѣй Лейлиныхъ молишвъ?
 Но Лейлы нѣтъ, — судилъ шакъ рокъ —
 И я иду — но одинокъ“ —

Бубенчикъ вдалекѣ звѣнишь,
 Гассана машь къ окну спѣшишь, —
 Не разъ ужъ пала съ облаковъ
 Роса на мураву луговъ, —
 Не разъ звѣзда своимъ пушемъ
 Прошла на небѣ голубомъ, —
 „Гдѣжь медлишь онъ? Его коней
 Не держишь зной дневныхъ лучей,

Ни прескъ громовъ , ни вѣпра вой :
 Онъ вѣрно съ юною женой
 Забылъ о машери родной!
 Но вопль на высотѣ холма
 Видна Тапарина чалма , —
 Скользя копытомъ на нескѣ
 Вопль конь спускается къ рѣкѣ , —
 Тяжелой ношей удрученъ —
 Какъ пиho двигается онъ!
 И медлишь къ машери принесшь
 Опъ сына радостную вѣсть ! .

✽

Вопль вѣспникъ близко , у ворошь ,
 Насилу ношу онъ несешь ;
 Въ его лицѣ видна печаль
 Но можешь бышь причинной даль
 И упомленье опъ вѣды
 Вопль крови свѣжіе слѣды
 На плащѣ , можешь бышь , она
 Изъ ребръ коня испочена
 Разкрыша наконецъ сума:
 О, Ангель смерти ! по чалма
 Гассана , шаль съ его плеча,
 И рукояшь его меча
 „О, Госпожа! Въ ужасный бракъ
 Съ сырой землей Гассанъ вспушилъ ;
 Не для пощады оппустилъ
 Къ тебѣ меня нашъ злобный врагъ ,
 Но чшобъ эпошь спрашный знакъ
 Опнесшь къ тебѣ . . . швой храбрый сынъ
 Спокойно спишь въ глуби долинь , —
 Да будешь миръ его коспяшь ,
 Да будешь смерть его врагамъ ,“

✽

На мѣстѣ , гдѣ Гассанъ зарышь ,
 Колонна мрачная спойшь ,

Покрыша мраморной чалмой;
 (Краснорѣчивый, хошь нѣмой
 И грустный знакъ)! Внизу подь ней
 Подножье пзъ осми камней —
 Чуть можно прочитайшь на нихъ
 Начертанный Корана стихъ —
 Печаль пророка о судьбѣ
 Сыновъ, низверженныхъ въ борьбѣ,
 Погибшихъ среди песковъ
 Въ пуши ко граду ихъ опщевъ,
 На ошдаленномъ берегу,
 Иль средь молишвъ, какъ оиміамъ,
 Взлешѣвшихъ къ свѣшлымъ небесамъ,
 При громкомъ звукѣ Аллагу.
 Онъ палъ въ своей землѣ родной,
 Сраженный чуждою рукой,
 Въ бою, въ оружье облечень,
 Въ крови — никѣмъ не опощень:
 За то пеперь дѣвъ райскихъ хоръ,
 Склонивъ съ улыбкой свѣшлый взоръ,
 Запмивъ сіяніемъ очей
 Сіянье солнечныхъ лучей,
 Зовешъ его подь свѣшлый кровъ,
 Подь шѣнь надьоблачныхъ садовъ,
 Къ прохладѣ вѣчной райскихъ спруй,
 Гдѣ вѣчно — сладокъ поцѣлуй,
 Гдѣ наслажденье безъ скорбей,
 Гдѣ нѣшъ измѣны и спрасшей.

Но ты, Глауръ, склоняся головой
 Предъ спрашной Монкира косою,
 Ужасной пышкой помимъ —
 Пребудешъ долго недвижимъ,
 И Эблиса подземный шронъ
 Всколеблешъ швой ужасный спонъ,
 И пламень съ кровью будешъ печь
 Въ швоей груди — и сердце жечь, —
 И вѣчный адъ — и вѣчно мгла,
 И вѣчно муки безъ числа.

Но синій шрупъ швой напередъ
 Вампиромъ по свѣшпу пойдешь ,
 Изверженный изъ шьмы гробовъ ,
 И возвращаясь подъ опчій кровь ,
 Ты будешь шамъ въ пиши ночной
 Пишь кровь семьи своей родной ,
 Сесшры, супруги, дочерей ,
 И жизнь сосашъ изъ ихъ грудей , —
 Пока , лишасъ послѣднихъ силъ ,
 Сходя во мракъ сырыхъ могилъ ,
 Они узнають наконецъ ,
 Кшо былъ сгубившій ихъ мершвецъ , —
 И съ спрашной кляшвой на успахъ ,
 Онъ умрушъ въ швоихъ глазахъ .
 Но дочь швоя — швой свѣшпъ очей ,
 Залогъ любви послѣднихъ дней , —
 Предметъ и ласки и забошъ ,
 Въ мученьяхъ спрашнаго конца ,
 Тебя лаская назовешъ
 Прекраснымъ именемъ ошца, ...
 Ужасный звукъ ! . . . Ты долженъ зрѣшъ ,
 Какъ будешъ медленно блѣднѣшъ .
 Послѣдній цвѣшъ ея ланишъ , —
 Какъ поспешенно дѣгорншъ
 Послѣдній блескъ живыхъ лучей
 Ея лазоревыхъ очей ; —
 Какъ золотишная коса ,
 Невинной юноспи краса ,
 Приманка взоровъ и любви ,
 Замрешъ , запяшнана въ крови ,
 Измяшая швоей рукой . . .
 И кровь горящю спруей
 Польешся съ посинѣлыхъ губъ , —
 И шущъ — сойдемъ швой спрашный шрупъ
 Подъ вѣчно мрачный кровь гробовъ ,
 И адъ — жилище злыхъ духовъ ,
 Смотря на спрашный образъ швой ,
 Вздогнешъ невольнo предъ побой .

»Повѣдай мнѣ, свяшый опецъ,
 Кшо эпошъ молодой чернецъ?
 Его чершы знакомы мнѣ:
 Давно — на ворономъ конѣ —
 Онъ мчался спрашно предо мной
 По берегу, порой ночной
 И адъ, казалось, въ немъ пылалъ,
 И я безмолвно наблюдалъ:
 И съ той поры, средъ шемношы,
 Все снятся мнѣ его чершы, —
 И нынѣ шошъ же мракъ въ очахъ,
 И смерть — въ гуспыхъ его бровяхъ.«

»Кажись, шесть лѣтъ пому назадъ
 Явился эпошъ спрашный братель
 Въ обитель нашу.... онъ хошѣлъ
 Воспоминанье мрачныхъ дѣлъ
 Ушишишь въ груди... но при насъ
 Онъ не молился въ поздній часъ,
 Предъ алшаремъ не преклонялъ
 Колѣнь... не поднималъ очей
 Къ испочнику дневныхъ лучей,
 Какъ будшо небо онъ забылъ,
 Какъ будшо небомъ прокляшъ быть.
 Подъ кровомъ келіи своей
 Проводишь онъ часы ночей,
 Для всѣхъ чужой, опъ всѣхъ далекъ,
 Всегда угрюмъ и одинокъ....
 Никшо досель не разгадалъ,
 Кого онъ предками считалъ,
 Какого Бога признавалъ; —
 Рожденъ близъ Пайнимскихъ береговъ,
 Но кажешся, не изъ сыновъ
 Османовыхъ... Его уста,
 Бышь можешъ, опреклись Христа,
 И онъ, раскаянемъ помимъ,
 Соединишься снова съ нимъ
 Душой прешупной пожелаъ.
 Онъ до сихъ поръ не принималъ

Свясаго хлѣба и вина....
 Но монастырская казна
 Наполнена его добромъ —
 Жемчугомъ, златомъ и серебромъ,
 И нашъ игумень полюбилъ
 Его... Но если бы я былъ
 Главой обителъ свяшой,
 При мнѣ пришлецъ сей роковой
 Не омрачалъ бы свѣшлый храмъ
 Своимъ присущспвiемъ... Но шамъ
 Онъ въ шемной кельѣ долженъ жишь,
 И кающься и слезы липъ.
 Ему являешся въ мечшахъ,
 То дѣва, скрышая въ волнахъ
 То сшукъ мечей, по бѣгъ враговъ,
 То месшь, по лющаяся кровь. —
 Однажды, споя на скалѣ,
 Онъ видишь, шамъ, во влажной мглѣ
 Окровавленная рука
 Его манишь издадека,
 Въ пучину водъ, подъ мрачный кровь,
 Сердишо плещущихъ валовъ.

.

Онъ спрашно мраченъ и угрюмъ,
 Въ его лицѣ шревожныхъ думъ,
 И прежнихъ мукъ, и шяжкихъ бѣдъ
 Донынъ виденъ спрашный слѣдъ.
 И что-то ешь въ его очахъ,
 Что въ зришеля вселяетъ шпрахъ,
 То духъ измученный въ борбѣ,
 Но гордый духъ, въ самомъ себѣ,
 Сосредоточенный во всемъ
 Какъ шища посреди шепей,
 Когда на ней гремучій змѣй
 Ошановилъ свой спрашный взглядъ,
 Бьешъ воздухъ шрепешнымъ крыломъ,
 Вопще шакъ блескъ его очей —
 Обворожалъ живыхъ людей
 Не рѣдко боязливый брашь,

Съ нимъ встрѣпясь, отспуналь назадъ:
 Улыбка на его устахъ
 Вливала въ души скорбь и спрахъ,
 Не радость выражалась въ ней,
 Но смѣхъ надъ бѣдноспью людей.
 Сгибаясь спрашною дугой, —
 Покрыпы мершвой синевою,
 Дрожали губы — и пошчасъ,
 Какъ будто бы въ послѣдній разъ
 Разкрывшись, снова безъ слѣда,
 Смыкались быспро навсегда:
 Какъ будто груспь былыхъ годовъ,
 Или презрѣнье ко всему —
 Завѣспь положили ему
 Съ сихъ поръ не улыбапсья вновь.
 Пѣспь — не такой ужасный плодъ
 На почвѣ радости распеспь
 Пѣспь! эшопъ плодъ созрѣль скорѣй
 Подъ дуновениемъ спраешей,
 Опъ сока горя и скорбей
 Не неподвижность на щекахъ
 Опъ времени . . . въ его черпахъ
 Добро и злоба, свѣспь со тѣмой
 Слились еще не до конца
 Померкшій цвѣспь его лица,
 Свидѣтель въ шомъ, что гордый духъ
 Опъ преспулений не пошухъ.
 Незоркій глазъ найдшибы могъ
 Въ немъ мракъ скорбей и слѣдъ шревогъ, —
 Но шощъ, кто видишъ глубоко
 Въ душѣ, замѣспишъ могъ легко,
 И чувспвъ возвышенныхъ черпы
 И опблескъ прежней красопы
 Вопще! . . . Высокій даръ небесъ
 Въ борьбѣ спраешей давно изчезъ. . .
 Гдѣ бѣдною хижины спѣна,
 Безъ кровли, шлѣнью предана,
 Колеблясь опъ вѣспровъ споишъ,
 Тамъ врядъ ли пушникъ обрапишъ

Хотя на мигъ вниманья взоръ :
 Но башня гордая средь горъ ,
 Полу-сраженная грозой
 Иль разрушительной войной,
 Невольно очи поразитъ
 Въ ней все . . . поросшій мхомъ гранишь ,
 Упавшій моспъ , все говоритъ ,
 О злоспн буръ , о спрахъ бѣдъ
 Или о славъ прежнихъ лѣпъ .

Шумя одеждой , входитъ онъ
 Подъ мрачный сводъ сѣдыхъ колонъ ,
 И взоры ужасомъ влечетъ ,
 И мрачно самъ глядитъ впередъ ,
 Туда , гдѣ жершвенникъ споитъ :
 Но лишь Игумень загремитъ
 Анаемой , нашъ спрашный брапъ
 Безмолвно крадется назадъ ,
 И памъ подъ сводами сѣней
 Сверкаютъ искрами огней
 Его глаза . . . онъ долго ждетъ
 Покуда служба опойдетъ ,
 Внимая издали мольбамъ ,
 Но ни одной молитвы самъ
 Не произнесъ . — Ты видишь , памъ
 Онъ снялъ клобукъ и по бровямъ —
 Течетъ спруя его кудрей —
 Какъ будшо самый черный змѣй
 Власовъ Горгоиныхъ виситъ
 И вьешся вдоль ея ланишь . —
 Онъ не сприжешъ своихъ власовъ ,
 Но носишь инока покровъ
 Вездѣ . Онъ златомъ и сребромъ
 Украсилъ бѣдный Божій домъ ,
 Но изъ щеславья одного ,
 А не изъ вѣры . . . Онъ него
 Доселъ эпошь грозный сводъ

Вопще молебной рѣчи ждепъ . . .
 Смошри! Онъ на небо глядипъ :
 Какъ сивъ и блѣднъ цвѣпъ ланипъ, —
 Какъ спрашенъ видъ его лица :
 Въ немъ ни надежды на Творца,
 Ни искры пеплой вѣры нѣпъ! —
 Боюсь, чшо знаменіе бѣдъ,
 За грѣхъ его, на насъ сойдепъ
 Съ свяпыхъ, надъоблачныхъ высопъ —
 И если кшо изъ злыхъ духовъ,
 Оспавивъ свой подземный кровъ,
 Являлся въ образѣ людей,
 Онъ вѣрно почно былъ шаковъ:
 Клянусь надеждою моею
 На оппущеніе грѣховъ, —
 Такого спрашнаго чела
 Досель земля не родила!« —

*

Не рѣдко мощная любовь
 Волнуешъ пламенную кровь
 Въ сердцахъ чувствивительныхъ людей,
 Безсильныхъ для борьбы спраспей,
 Колеблующихся предъ бѣдой,
 Дрожащихъ въ встрѣчѣ роковой
 Съ опчаяніемъ: но порой
 Опъ ней и шверды сердца
 Спрадаюпъ въ ранахъ до конца.
 Не мало грубая руда
 Для плавки шребуешъ шруда,
 Но разъ расплавлена огнемъ,
 Спановишся или щипомъ
 Или губишельнымъ мечемъ, —
 И рѣжешъ головы враговъ
 И почипъ на землю ихъ кровь . . .
 Такъ сердце швердое мужей,
 Горя опъ пламени спраспей,
 Принявъ подъ женскою рукою —

Иныя чувшва, видѣ иной
 Пребудешъ въ немъ уже всегда ;
 Скорѣй ошъ шягоспной шоски
 Оно разрушишся въ куски, —
 Но не погнешся никогда.

Перегорѣвъ въ огнѣ спрасшей,
 Бѣжавъ въ пустыню ошъ людей,
 Мы чувшвуемъ, что грудь пуста, —
 Чшо жизнь у сердца опниаша, —
 И ненавидимъ мы предмешъ
 Мечшы и счастья прежнихъ лѣшъ....
 Когдабъ мершвецъ въ землѣ сырой
 Почуяшъ могъ, что гробовой
 Кровавый червь ползешъ по немъ,
 И вдругъ — разспался съ шяжкимъ сномъ,
 Но былъ не въ силахъ приподняшъ
 Тяжелыхъ рукъ — и опогнашъ
 Врага ошъ шѣла и коспей....
 Когдабъ крылашый сынъ шепей
 Чадолюбивый пелликанъ
 Ни крови не шадя, ни ранъ
 И разшперзавшій грудь свою
 Чшобъ напишашъ свою семью,
 Смыкая очи сномъ гробовъ,
 Увидѣлъ, чшо его ппенцевъ
 Не спало.... чшо они его
 Теперь забыли одного....
 Такъ шочно — спрашной пустошой
 Томишся шнокъ самъ съ собой,
 Укрывшисъ ошъ людей въ глуши,
 Безъ пиши для живой души ;
 Кшо могъ бы видѣшъ сводъ небешъ,
 Когда бы солнца свѣшъ изчезъ,
 И черныхъ шучъ гусшя шѣнь ;
 Ни свѣшъ, ни мракъ, ни ночь, ни день ;
 Нѣшъ — легче плавашъ подъ грозой,

Чѣмъ навѣкъ бросишь парусъ свой,
 И внемля вѣкъ борьбѣ въспровъ,
 Лежашь средь мѣршвыхъ береговъ,
 Подъ хладомъ вѣчныя зимы,
 Добычей плѣнія и тѣмы...
 Сносишь опъ бури умерешь,
 Чѣмъ живишь на ушесѣ плѣшь

✽

„Ты прожилъ вѣкъ, онецъ свяшой,
 Въ пиши, съ смиренною мольбой,
 Безъ пресупленій, безъ спрасшей,
 Рѣша грѣхи — чужихъ людей.
 Крестишься ты, когда тебѣ
 Расскажущъ о чужой борьбѣ,
 Объ необузданныхъ спрасяхъ,
 О пресупленьяхъ и скорбяхъ.
 Я мало жилъ, — я радость зналъ,
 А больше — тяжко я спрадалъ.
 То между дѣвъ, то средь мечей,
 Игралъ я жизнию своею,
 То пиръ друзей — то вражій бой, —
 Я презиралъ одинъ покой.
 Но нынѣ — ильшъ въ моей крови
 Ни ненависти, ни любви,
 Меня надежда не живишь,
 Ни страхъ пошери не поминъ.
 Теперь — желалъ бы я скорѣй
 Быть меньшимъ червемъ изъ червей,
 И ползашъ подъ покровомъ тѣмы
 По сводамъ и спѣнамъ шюрмы,
 Чѣмъ жизнь безъ перемѣнъ влачишь
 И тяжкой мыслью духъ поминъ...
 Желанье есть еще во мнѣ —
 Починъ въ могильной глубинѣ
 И знаю я, — часъ не далекъ
 Я успокоюсь въ пишинѣ
 Забывъ, чѣмъ былъ, чѣмъ бышь я могъ...

Моя душа — естъ мрачный кровь
 Умершихъ, радостныхъ часовъ,
 Моя надежда — часъ суда;
 Но лучше съ ними навсегда
 Ушрашипь ясный свѣшъ очей,
 Чѣмъ жить еще среди людей.
 Я не для знаній былъ рожденъ,
 Не рылся я въ пыли временъ,
 Чшобы извлечь изъ ихъ гробовъ
 И прародителей глупцовъ,
 И внуковъ — шрусовъ и рабовъ.
 Но смерть была мнѣ не спрашна:
 Кровопролитная война
 Была опрадою моею;
 Меня манилъ не блескъ чешей,
 Смѣшны мнѣ были съ юныхъ лѣшъ
 Триумфы пышные побѣдъ, —
 Цѣль жизни множеслива людей:
 Другая цѣль меня влекла,
 Я ненавидѣлъ и любилъ,
 И пущь свой бурный устремилъ,
 Куда судьба меня вела,
 Чшобы подъ осприемъ мечей
 Убишь, или спасиши съ ней....
 И я свершилъ, чего желалъ....
 Да, я любилъ.... я обожалъ
 И я на дѣлѣ доказалъ
 Свою любовь.... смошри, давно
 На эшой снали, есъ внашно
 То кровь врага.... для ней она
 Изъ ребрь его испочена,....
 За смерть ея — мечь оспрый сей —
 Проникъ сквозь щитъ его костей,
 И сердце черное пронзилъ....
 Нѣшъ, не пугайся.... врагъ мой былъ
 Врагомъ религии швоей, —
 И ненавистникомъ креста —
 Его прокляшья уста
 Тряслись при имени Христа.....
 Неблагодарный! Онъ незналъ,

Чшо галилейскою рукой
 Водимый мечъ — ему прямой
 Въ Турецкій рай пушь пролагалъ ,
 Въ объашья гурій, въ свѣшлый кровь ,
 Подъ тѣнь надъоблачныхъ садовъ ...
 Да, я любилъ.... Кшо могъ любить,
 Тотъ не спрашится проходимъ
 По тѣмъ спезямъ, среди тѣхъ скалъ ,
 Гдѣбъ волкъ опъ спрахъ задрожалъ....
 И я не пошерялъ шруда —
 Не нужно знашь, гдѣ, какъ, когда —
 Но я достигъ чего желалъ —
 Я былъ любимъ.... О ! чшобъ я далъ
 Теперь, чшобъ пламени любви
 Не зажигаъ въ ея крови....
 Она погибла.... разсказашъ
 Я не могу — но прочишашъ
 Ты можешъ на моихъ бровяхъ,
 Въ глубоко врѣзанныхъ чертахъ :
 На нихъ замѣсны до сихъ поръ —
 Порокъ, прокляпье и позоръ....
 Но не вини меня — постой ,
 Не я убилъ, — я былъ виной
 Убийства.... Еслибы она
 И мнѣ была шакъ невѣрна , —
 Ябъ сдѣлалъ шо, чшо сдѣлалъ онъ —
 Онъ за измѣну — поразилъ, —
 А я — за вѣрность опомшилъ....
 Измѣна для меня была , —
 Она мнѣ сердце предала , —
 И я — но поздно ужъ спасашъ....
 Я опдалъ все , чшо могъ опдашь ,
 Я гробъ ему соорудилъ , —
 Я грудь его мечемъ пронзилъ....
 Но рѣшена судьба ея ,
 И съ шой поры ужасенъ я....
 Но онъ.... судьбу свою онъ зналъ....
 Арабъ Тагиръ не разъ слыхалъ
 То ступь несущихся коней ,
 То шрескъ крушащихся мечей ...

Онъ палъ , когда свирѣпый бой
 Шушилъ надъ счастьемъ и бѣдой ;
 Онъ Магомеша призывалъ ,
 Молишвы къ Аллѣ возсылалъ , —
 Узналъ меня — и прошепталъ
 Свое проклятье надо мной
 И я , задумавшись , надъ нимъ
 Споялъ съ минутоу недвижимъ , —
 Я видѣлъ , какъ онъ умиралъ ,
 Какъ духъ изъ пѣла вылеталъ
 Какъ пораженный дикій зефиръ ,
 Въ предсмертныхъ мукахъ онъ спрадалъ , —
 Но половины не узналъ —
 Того , что я ношу шеперь
 Въ моей груди помленье ранъ ,
 И мукъ безбрежный Оксанъ
 Въ его лицѣ была вражда —
 Но угрызений ни слѣда
 О ! чтобъ дала нѣмая месць ,
 Чтобы въ чертахъ его прочесць
 Слѣды душевной пустошы ,
 Обманъ надеждъ , обманъ мечты ,
 Проклятье на свою судьбу ,
 Или смертельную борьбу
 Съ раскаяньемъ , иль смерти страхъ ,
 Иль безнадежность на устахъ

Живя средъ хладной спороны ,
 Хладбюшь Сѣвера сыны ,
 И то , что есть у нихъ въ крови ,
 Не сподипъ имени любви
 Не шакова любовь моя
 Она , — какъ жаркая спруя
 Изъ Эшны пламенныхъ грудей ,
 Палишь кругомъ плоды полей ,
 Палила шакке душу мнѣ

Я не вздыхалъ въ тревожномъ снѣ,
 Я объ участь не молилъ,
 Я объ разлукѣ слезъ не лилъ...
 Но если блѣднось на щекахъ,
 И дрожь порою на устахъ —
 Но если сердца страшный жаръ, —
 И мозгъ въ огнѣ — и смѣлоспъ дѣлъ,
 И спали мшипельный ударъ,
 И все, что сдѣлашь я хошѣлъ,
 И что я чувспвовалъ, чѣмъ жилъ,
 Была любовь... то я любилъ...
 Я не умѣлъ спонашь, вздыхашъ,
 Но достигашъ иль умирашь —
 И пусшь умру — но я владѣлъ, —
 Но я достигъ, чего хошѣлъ,
 И не жалю... но порой —
 Предспанешъ Лейла предо мной —
 И спалъ въ груди и кровь печешъ,
 И наслажденіе съ шоской —
 Я чувспвую — мнѣ сердце жменпъ...
 Я плачу... но свяшой опецъ —
 Не спрашенъ близкій мой конецъ,
 Я слезы лью, но лью объ ней...
 Въ унылой глубинѣ морей,
 Подъ кровомъ плещущихъ валовъ,
 Среди коралловъ и песковъ,
 Спокойно спишь шеперь она :
 Но будь она погребена
 Не такъ глубоко на землѣ, —
 О! эша грудь въ полночной мглѣ
 Постпелъ бы узкую нашла,
 И къ ней прильнувши, замерла!
 Она слилась съ моею душой,
 Она повсюду предо-мною, —
 Блещащей упренней звѣздой,
 И нѣжный свѣшь ея лучей
 Слился съ зѣницами очей.

И впрямъ любви завѣпный жаръ
 Ешь неба свѣпмый, чистый даръ —
 Ешь искра яркая лучей

Лазурныхъ Ангельскихъ очей,
Забвенье скорби и заботъ,
И духа на небо полещь....
Но нѣтъ не такъ: всего скорѣй
Къ намъ само небо сходишь съ ней,
И вѣчно чистою росой,
Смываешь пыль съ души живой;
Въ ней лучъ Творца, въ ней славы слѣдъ, —
Безсмертной жизни яркѣй свѣтъ.
И я любилъ — но для моей
Любви — на языкъ людей
Пазванья нѣтъ.... она была,
Не такъ чиста, не такъ свѣтла,
И свѣтлыхъ думъ, и шумы полна,
Скажи, скажи, ея-ль вина?....
Она бывала для меня
Свѣпиломъ радостнаго дня,
Но свѣтъ погасъ, и нѣтъ лучей,
Кшожь озаришь мнѣ мракъ ночей....
О еслибъ свѣтъ ея лица —
Сіялъ до моего конца!
Чему дивишься, если ночь,
Кпо вѣкъ безрадостно живешь,
И кпо утрашилъ навсегда,
Надежду, правды и суда. —
Не воздыхаешь никогда?
Когда спрадая самъ съ собой,
Томясь свирѣною поской,
Безумно онъ судьбу клянешь,
И муку къ скорби придаешь?
Для груди — съ раной въ глубинѣ —
Чшо спрашнымъ можешь бытьъ извнѣ?
Кшо небо счастья потерялъ,
Объ чемъ бы въ безднѣ думаешь спалъ?
Я знаю — цвѣтъ души моей
И крылевы ворона чернѣй —
Предъ зеркаломъ пвоихъ очей:
Я вижу на пвоихъ бровяхъ
И опвращеніе и спрахъ;
Но пусть — вѣдъ эшо мнѣ давно —

Съ пеленокъ самыхъ суждено...
 Какъ коршунъ, свой означилъ слѣдъ
 Я кровью ранъ и спономъ бѣдъ,
 Но и у кропкихъ голубей
 Я могъ одинъ урокъ заняти —
 По смерти — другой любви незнаиъ,
 Урокъ ничтожный для людей...
 Но голосистый соловей,
 Поющій сладко межъ кустовъ,—
 Но лебедь средъ морскихъ валовъ,
 Когда подругу опиялъ рокъ,
 Весь вѣкъ проводить одинокъ...
 Пусть издѣвается глупецъ
 Надъ вѣчной вѣрностью сердецъ,
 Пусть хвализся передъ толпой
 Томленьемъ жертвы и поскои, —
 Всегда жаждая перемѣнъ,
 Онъ самъ игрушкою измѣнъ
 Становишся — и для кого?...
 Но не жалю я его —
 Унылый лебедь мнѣ милѣй,
 Чѣмъ брашъ безъ сердца и спрасшей...
 Нѣтъ я не такъ ничтоженъ былъ,
 Нѣтъ, Лейла, я не такъ любилъ,
 Я посвяшилъ тебѣ одной
 И мысль и думы и покой, —
 И горестъ дня, и сны ночей —
 Все сущесиво души моей...
 И кто сравнишься могъ съ тебой, —
 Ктось могъ владѣти моеи душой?...
 Пороки юныхъ моихъ лѣтъ,
 Моихъ очей послѣднй свѣтъ, —
 Моя предсмертная поска
 Все говоришь, какъ глубока,
 Моя любовь и какъ сильна —
 Исчезло все, — она одна
 Въ моеи душѣ погребена...
 Она погибла — я дышалъ,
 Но не дыханіемъ людей:
 Ужасный змѣи въ груди моеи

Вился и кровь мою сосаль. . .
 Свѣтъ радости въ очахъ погасъ,
 Мнѣ былъ ужасенъ каждый часъ,
 Мнѣ были страшны всѣ мѣсяца:
 Природы юной красота
 Мнѣ отвращительна была,
 Она мнѣ сердце страшно жгла,
 И ядъ шоски мнѣ въ грудь лила.
 Чшо послѣ — знаешь самъ. . . ты былъ
 Свидѣтель. . . я тебѣ открылъ
 И глубину души моей,
 И жизнь моихъ прошедшихъ дней,
 Не говори же мнѣ шеперь
 О мукахъ адскихъ безъ конца,
 О милосердіи Творца, —
 О покаяніи. . . Я жилъ —
 Я много темныхъ дѣлъ свершилъ
 Ихъ поправлялъ — напрасный шрудъ,
 Онѣ идушь со мной на судъ,
 Я знаю — смерть моя близка,
 И не швоя шеперь рука
 Мои шпрананья изцѣлишь. . .
 Смощри на мой ужасный видъ,
 Подслушивай шеперь въ шпши
 Шъмую скорбь моей души, —
 Жалѣй, пожалуй, но безъ словъ:
 Но если можешь изъ гробовъ
 Воззвать мнѣ Лейлу къ свѣту дня,
 Тогда, молю, просши меня. . .
 И можно ли, опнявъ дѣшей
 У лвицы пламенныхъ степей,
 Ушпшишь силой грозныхъ словъ
 Ея рыканье средь лѣсовъ? —
 Сшупай, не плачь передо мной,
 Не смѣйся надъ моей шоской. . .

Еще въ веснѣ счастливыхъ дней,
 Вдали, — на родинѣ моей —

Имѣлъ я друга... можешь бышь,
 Его ужъ нѣшь... я прежде съ нимъ
 Дѣлился счастьемъ моимъ.
 Теперь хочу тебя просишь —
 Къ нему послѣдній мой привѣшь
 Послашь, на память прежнихъ лѣшь.
 Пусть онъ узнаешь мой конецъ...
 Хотя дружба двухъ молодыхъ сердець
 Съ разлукой гаснешъ шакъ легко, —
 Хотя разстоянье далеко, —
 Но наша дружба не умрешъ.
 И спранно — спрашний мой удѣлъ
 Онъ предсказалъ мнѣ напередъ.
 Смѣялся я; я не хошѣлъ —
 Ему повѣришь никогда:
 Теперь же звукъ его рѣчей,
 Едва замѣченный тогда,
 Такъ ясенъ для души моей,
 Скажи ему, что я спрадалъ,
 Какъ онъ давно мнѣ предсказалъ,
 И онъ, дивясь моей судьбѣ,
 Не будешь вѣришь самъ себѣ...
 Скажи ему, каковъ я былъ —
 Какую грусть въ душѣ носилъ.
 Съ разлуки нашей, съ юныхъ лѣшь...
 Скажи, что, покидая свѣшь,
 Хошѣлъ его благословишь,
 Хошѣлъ объ немъ Творца молишь:
 Но я спрашусь своей мольбой
 Обрушишь надъ его главой
 Всю тяжесть скорби роковой...
 Я не прошу, чтобъ ты сказалъ,
 Чтобъ онъ меня не проклиналъ:
 То былибъ щепетныя слова —
 Его душа не шаква,
 И мнѣ — что слава и молва?
 Я не прошу, чтобъ ты сказалъ,
 Чтобъ онъ не плакалъ, не вздыхалъ,
 То былъ бы тяжоспный завѣшь, —
 И что для жершвы спрашныхъ бѣдъ,

Убишой яростью грозы,
 Оспрадишь дружеской слезы?
 Но вопшь кольцо съ руки моей,
 Его подарокъ прежнихъ дней:
 Опдай. Пускай узнаешь онъ
 Моей шоски предсмертннй спонъ,
 Скажи, — чшо у тебя въ глазахъ,
 Съдины раннїа въ бровяхъ,
 Полуразрушеннй мой умъ,
 Морщины — слѣдъ ужасныхъ думъ,
 Разбитый спволь, клочки лисповъ,
 Поблекшихъ рано опъ въшровъ.

Нѣшъ, мой опецъ, шо не во снѣ,
 Такъ ясно все явилось мнѣ...
 Нѣшъ не во снѣ — вѣдъ я не спалъ
 На мигъ очей не закрывалъ —
 Я освѣжипъ себя хошѣлъ
 Слезой, — не могъ: мой мозгъ горѣлъ,
 Пылалъ огонь въ моихъ бровяхъ,
 И сохли слезы на глазахъ...
 Нѣшъ, не молисъ, швои мольбы
 Безсилнѣе моей судьбы —
 Пусшь гибну я съ моей душой,
 Не рай мнѣ нуженъ — а покой...
 Да, да: къ чему перяшь слова?
 Она была опящъ жива —
 Опящъ въ моихъ глазахъ она,
 Опящъ со мной — но шакъ блѣдна,
 И въ саванѣ, — вонъ шамъ вдали —
 Я вижу — блещешъ изъ за шучь —
 Звѣзды всходящей свѣшлнй лучъ,
 Таковъ, иль нѣшъ — еще милѣй
 Былъ свѣшлнй лучъ ея очей...
 Подъ ушро будешъ ночь шемнѣй —
 Мнѣ жарко, душно, я шомлюсь,
 Я въ шемношѣ всего боюсь...
 Я опхожу — мой свѣшъ погасъ,

Я слышу, бьешъ послѣдній часъ ;
 Ее я видѣлъ, мой опецъ ,
 Забывъ и близкій мой конецъ ,
 И длинный рядъ минувшихъ лѣтъ ,
 И бремя горести и бѣдъ ,
 Я быспро съ ложа смерти вспалъ ,
 Къ своей груди ее прижалъ —
 Я обнялъ. — Чшожь я обнималъ ?
 Безъ жизни шѣнь была со мной —
 И безъопшѣнный сердца бой
 Звучалъ во мракѣ пустошы ,
 Ахъ , Лейла , точно ль это ты ?
 Скажи — скажи мнѣ, опчего ,
 Являся въ моихъ очахъ —
 Бѣжишь опъ сердца моего ?
 Но будь всегда въ швоихъ красахъ
 Такой же холодь, чшб мнѣ въ шомъ ,
 Доводень я однимъ лучемъ , —
 И искрой взора швоего —
 Увы ! ложился шѣнь кругомъ
 Изчезла... снова предо мной...
 Она манишь меня рукой ,
 Я вижу — въ кольцахъ волоса ,
 Я вижу — искрашся глаза ,
 Она попрежнему мила ,
 Нѣтъ — нѣтъ, она не умерла ,
 Но онъ, онъ умеръ, знаю я ,
 Еще въ крови рука моя —
 Его на мѣспѣ погребли ,
 Онъ не придетъ — онъ изъ земли
 Не выйдешъ... Нѣтъ, побудь со мной,
 Куда бѣжишь?... Посшой, посшой !
 Предсшавъ — они сказали мнѣ ,
 Чшо ты мершва , во глубинѣ
 Морскихъ зыбей... чшо вшопъ спанъ
 Пожралъ бездонный океанъ...
 Сказали, будшо въ спрашный мигъ
 Но нѣтъ — нѣмѣешъ мой языкъ...
 Но если подлинно въ волнахъ
 Сокрышь швой драгоцѣнный прахъ ,

И ты пришла сюда за мной,
 Молю, росисшою рукой
 Коснись пылающихъ бровей,
 Коснися гаснущихъ очей,
 До сердца перспш свой проводи
 И погаси огонь въ груди.
 Но кшобъ ты ни былъ, ангель дня,
 Молю, не покидай меня,
 Иль унеси меня съ собой —
 Туда, гдѣ царшвуешь покой,
 Въ швой вѣчно шихій свѣшлый кровъ,
 Гдѣ нѣшъ ни вѣпра ни валовъ.

.

Ощецъ! шеперь я разсказаль,
 И какъ я жилъ и чѣмъ страдаль,
 И благодаренъ я шебѣ —
 За сосшраданіе къ себѣ,
 За слезы горькія изъ глазъ....
 Когдажъ пробьешъ мой смершнній часъ,
 Молю, похорони мой прахъ
 Въ безвѣшныхъ, нищенскихъ гробахъ,
 Безъ надписи: но крешъ просшой
 Поспавъ вверху надъ головой —
 Пущш не влечешъ ничьихъ очей
 Унымый домъ моихъ костей!.....

И умеръ онъ — никшо не зналь
 И кшо онъ былъ — и чшо сказаль
 Духовнику въ послѣдній часъ.
 Предъ вами, чшо дошло до насъ
 Изъ повѣспи печальныхъ дней,
 Любви, и шягосшныхъ спшрасшей.

МОСКВИТЯНИНЪ,

НА 1844 ГОДЪ.

№ 3.

МАРТЪ.

МОСКВА.

1844.

МОСКВИТЯНИНЪ,

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ II.

№ 3.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1844.